

У нас товар - у вас купец

Яшви Садхир

Между лопатками по спине стекала капля. Было ужасно жарко, даже несмотря на то, что она и еще три девушки прятались под навесом от палящего солнца. На ней была ее самая лучшая нарядная длинная, почти до колен, рубашка и юбка по земли, которую отдала ей мать, хотя Яшви предпочла бы что-то более легкое, и это была ее единственная одежда. Мимо проходило мало людей, и в каждом Яшви волновалась увидеть того, кто изъявит желание ее купить. Но люди шли мимо, лишь иногда останавливаясь возле торговца людьми - тогда у Яшви замирало сердце - но потом мужчины проходили дальше, мазнув по девушкам равнодушным или наоборот, сальным взглядом, и Яшви снова вспоминала, как нужно дышать.

Они стояли здесь с самого утра. Одна девушка, бокши не знала ее имени, устало прислонилась к стене дома и прикрыла глаза, лениво их открывая только на отклик торговца.

Было немного страшно, по такой жаре трудно было думать хоть о чем-нибудь, кроме спасительной прохлады, поэтому и страха, как такового, Яшви почти не ощущала, как будто изредка о нем вспоминая, и тогда по телу, несмотря на полуденный зной, пробегала дрожь. Она прижала к себе свою куклу, все ее имущество, облизнула пересохшие губы и уставилась на пыльную землю, покрытую отпечатками сотен ног. Торговец прохаживался перед ними, потягивая воду из бурдюка, сплевывал в пыль, окриками заставлял их выпрямить спины, улыбаться, но на него уже никто не реагировал. Яшви снова облизнула губы, вот бы хоть глоточек этой воды.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн недавно вернулся в Покхару и еще не успел добраться до резиденции родного клана. Он устал с дороги, но все равно заехал на рынок в деревне, потому что мать поручила передать письма кое-кому из торговцев и выполнить еще пару поручений. Пара учеников отца, которые встречали Сонгцэна в Покхаре, почти все время были рядом с ним. Стояла ужасная жара. Сонгцэн выпил пару глотков воды из фляги, затем вылил немного жидкости в ладонь и провел по влажным от пота волосам. После этого он прикрепил флягу к седлу, бросил стремяна и, уцепившись рукой за переднюю луку, спрыгнул на землю слева от лошади. Рыжий конь прядал ушами, отгоняя мух, но не потянулся в надежде получить лакомство, потому что не рассчитывал на подобную милость.

- Мне нужно отнести письма, - сказал Сонгцэн одному из своих спутников.

- Иди, - ответил тот. - Мы будем в чайной у Сы-джи.

Принц Королевских Кобр кивнул. Лошади успели остыть после галопа. и сейчас им можно было немного постоять и отдохнуть перед тем, как продолжить путь в клан. Их даже ненадолго оставят в тени и напоят. Сонгцэн прошел по центральному проходу, затем свернул налево в поисках лавки торговца шелком. Письма предназначались именно для него.

Яшви Садхир

Яшви не знала, сколько точно времени они уже стоят здесь в надежде, что кто-нибудь их купит. Старая жизнь вдруг стала казаться такой далекой, но ведь еще только утром мать искала в многочисленных свертках и кульках эту юбку, которая оказалась слишком плотной и жаркой для летнего зноя. Мать приговаривала, что если они принарядят ее, на нее быстрее обратят внимание и быстрее купят. Заплела волосы в косы и вплела в них красные ленты, даже лицо ей накрасила. Из-за этого Яшви чувствовала себя смешно, даже глупо, потому что за все утро на нее не обратили внимания.

Она могла бы попытаться сбежать, но не стала этого делать. Куда она пойдет? Обратно домой ее мать не пустит, родных у нее больше нет, да и кто согласится себе взять чужачку бокши? А жить где-нибудь в горах она не сможет. Яшви прикрыла глаза и вздохнула, в очередной раз облизнув губы. Оставалось надеяться, что там, куда ее продадут, будет не очень плохо.

По ногам что-то пробежало, и Яшви успела заметить толстую крысу, из-за которой поднялся приличный шум - одна из девушек закричала от страха, но бокши не двинулась с места. Крыс она не боялась, сейчас она ей даже завидовала. Ведь крыса может бежать туда, куда ей вздумается.

- Вот бы обернуться крысой и убежать, - едва слышно пробормотала она, но, на ее горе, ее услышал торговец и замахнулся на нее рукой. Яшви покорно зажмурилась, ожидая удара.

- Ну, ты, что ты там бормочешь, - услышала она неприятный голос торговца людьми, все еще не разлепляя сомкнутых век. - Закрой свой рот и улыбайся, если хочешь, чтобы тебя купили.

Удара так и не последовало и, решившись открыть глаза, Яшви поняла, что к ним идет человек. Они завели с торговцем разговор, и Яшви непременно ощутила себя коровой или племенной кобылой, которую хотят повыгоднее продать.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн отдал письма торговцу шелком, и тот передал письмо для Бу-джи. Можно было идти в чайную за другими учениками-кобрами, чтобы вместе отправляться во дворец, но Сонгцэна привлекли крики, доносившиеся из узкого прохода между рядами палаток. В той части рынка он прежде не бывал, даже не обращал внимания, что там что-то есть. Но в этот раз принц Кобр решил убедиться, что кричавшей девушке не нужна помощь, и свернул в этот незаметный проход.

Вдоль узкой дорожки находились навесы. Здесь не был развешан или разложен товар, никто не пытался перекричать других, зазывая покупателей, но зато среди мрачного вида мужчин стояли потерянного вида девушки и девочки. Сонгцэн заметил, как ударили ту, что что-то испуганно тараторила о крысе. Здесь было неприятно находиться. Сонгцэн сначала подумал, что это место, где предлагают услуги блудниц. Потом понял, что эти девочки скорее похожи на рабынь на продажу. Он слышал, что такое бывало, но ему казалось, что это что-то из разряда смутных

сказок. Сонгцэн видел, с каким страхом и недоверием его разглядывали и девушки, и их продавцы. Слышал обрывки разговоров и даже остановился неподалеку от двух людей, ожесточенно споривших из-за цены.

Покупатель говорил, что девушка уже взрослая, что на таких спрос ниже, и предлагал цену вдвое меньше той, на которой настаивал продавец. Последний твердил, что у девушки на месте все зубы и перечислял тому подобные преимущества. Сонгцэну показалось, что сложно вообразить более отвратительную сцену. Он посмотрел на саму девушку, которая прижимала к себе странную куклу. Ему показалось, что девушка немного младше него. Она выглядела испуганно. Сонгцэн понимал, что должен развернуться и быстрее уйти отсюда, но не мог.

Яшви Садхир

Стараясь не прислушиваться к разговору торговца и покупателя, Яшви сверлила взглядом землю, не отдавая себе отчета в том, что пальцы перебирают нитяные кукольные волосы, тоже как у нее заплетенные в две косы. Но до нее все равно долетали обрывки разговора. Да, она старше других, зато зубы на месте. Яшви непроизвольно провела языком по зубам, словно сама сомневалась в том, что они все на месте. Она высокая и, несмотря на то, что худая, крепкая, привыкла к домашнему труду. Она ничем никогда не болела, значит, сможет легко рожать детей. Кажется, ее все-таки на этот раз купят. Яшви снова прикрыла глаза и облизнула губы в очередной раз, затем взглянула на раскаленное добела небо, где не было ни облачка.

Было странно ощущать себя в качестве товара, немного страшно, волнительно и даже неприятно, но Яшви, кажется, уже смирилась с тем, что еще вчера вечером она стирала белье в реке, в воде, от которой сводило руки, укладывала спать младших, пока мать была занята другими домашними делами, а сегодня утром мать привела ее на рынок, как козу на веревке. Девочек часто продавали, но, конечно, Яшви никогда не думала о том, что это произойдет и с ней.

Она заметила, что в проулке появился еще один мужчина, молодой, увидела, что он хорошо одет, не в пример лучше остальных. Наверное, сын старосты или богатого торговца шелком или чем-нибудь еще, от жары мысли путались и никак не хотели останавливаться на чем-то одном. Яшви встретила с ним взглядом, но затем опустила глаза в землю и вцепилась в свою куклу. У нее хотя бы все еще была кукла. И бабушка, которая всегда приходила только по ночам.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Девушка встретила с ним взглядом и опустила глаза. Сонгцэн чувствовал, что вопреки здравому смыслу не может просто пройти мимо, сделав вид, что ничего не происходит, а, если и происходит, то его не касается. Ему показался особо отвратительным тот тип, который все же согласился чуть поднять цену, по которой готов купить эту девушку. Что с ней будет, когда сделка состоится? Станет наложницей без прав в его доме, служанкой, или будет перепродана дальше, пока не окажется в каком-нибудь борделе? Сонгцэн заметил, как длинные пальцы девушки теребили волосы странной куклы. Сзади его окликнул один из торговцев. Сказал что-то о том, что есть интересный товар, Сонгцэн отрицательно покачал головой и даже не обернулся. Он понимал, что сейчас должен что-то решить. И при

этом вступали в противоречие здравый смысл и чувство внутренней правильности.

У Сонгцэна с собой были деньги, которых было значительно больше, чем сумма, что торговец изначально назвал покупателю. Просто эти деньги не принадлежали самому принцу Кобр, их передала мать для Бу-джи. Это была часть жалования Юэ за работу в Пекине. Сонгцэн подумал, что уговорит отца или деда дать недостающую сумму займа, и при первой возможности отдаст им долг. Это будет проще, чем быть должным вождю Белых Тигров.

- Я куплю её, - сказал Сонгцэн торговцу и предложил сумму немного выше той, что сейчас озвучил покупатель.

Здесь нельзя было не торговаться. Считалось, что не торгуются только воры, которым деньги давались слишком легко, а воров на рынке не уважали.

- Господин, эта девушка стоит дороже, - с заискивающей улыбкой обратился к нему продавец.

- Тебе не предложат больше, - ответил Сонгцэн и недружелюбно взглянул на стоявшего рядом прежнего покупателя.

Тот насупился, но затем кивнул. При Сонгцэне не было оружия, на нем не было формы с нашивками кланов или монастыря, так что, скорее всего, покупатель просто оценил по одежде, что у него могут быть при себе деньги.

- Хорошая девушка, ты только посмотри, - торговец приподнял лицо девушки за подбородок, чтобы продемонстрировать его новому покупателю. - Все зубы свои. Девственница, только сегодня из дома привели.

Сонгцэн чувствовал, что готов провалиться сквозь раскаленную землю, настолько отвратительно ему было все это слышать. Он совершенно не задумывался о том, что будет делать, если сделка состоится. Он просто хотел забрать эту девушку отсюда. У него не было личного гарема, потому что он не имел права нарушать целибат до сдачи экзамена, который был близок, но еще не состоялся. Но Сонгцэн и не думал о том, что какие-то близкие отношения у него будут именно с этой девушкой. Он не хотел, чтобы о ней так говорили.

- Я назвал свою цену, - сказал он.

- Это грабеж, - покачал головой торговец. - Но только из уважения к вам, господин. Может, еще хотите посмотреть кого-нибудь?

- Нет, - ответил Сонгцэн. Он достал из кошелька нужную сумму денег и протянул продавцу.

- Приходите еще, у вас хороший вкус. Приходите через неделю, мне обещали привезти очень хороших девушек, молодых. Иди к своему господину, девочка, - обратился торговец к невольнице.

- Пойдем, - сказал Сонгцэн, взглянув на девушку. - У тебя есть какие-то вещи?

Яшви Садхир

У Яшви пересохло в горле, хотя, казалось, куда бы уже больше, когда покупатель согласился поднять цену. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что скоро она будет принадлежать вот этому человеку, для которого доводы торговца оказались достаточно убедительными, чтобы ее купить. Если до этого момента она старалась сохранять хоть какие-то крохи самообладания, не подавая виду, что ей страшно, то вот именно сейчас она почувствовала липкий ужас, в это самое вот мгновение поняла, что все никогда уже не будет так, как раньше. Она впервые пожалела, что до шестнадцати лет так и не смогла выйти замуж, ведь тогда бы ей не пришлось стоять здесь на жаре, ожидая, пока кто-нибудь соблазнится названной ценой.

Она вздрогнула, услышав, как в торги вступил еще один человек - тот самый молодой, хорошо одетый. Яшви метнула на него испуганный взгляд, но почти сразу же снова уткнулась в землю, а в куклу вцепилась с таким остервенением, словно опасалась, что сейчас ее отнимут, а она намеревалась стоять за единственное, что еще у нее было, до последнего. Она старалась не вспоминать о том, как сначала мать, а потом и этот торговец проверяли факт ее нетронутости, потому что от этих воспоминаний становилось дурно и отвратительно, что хотелось помыться. Она упорно не поднимала взгляда даже когда ее приподняли за подбородок, заставляя показать лицо, и думала о том, что если ей снова полезут в рот демонстрировать зубы, она укусит любую руку, которая это сделает, даже если потом ее изобьют или вернут родителям, что будет расценено как несмыываемый позор. Наверное, тогда ее увезут в горы и оставят там, и она умрет от холода, голода, укуса ядовитой змеи или чего-то такого, но это все равно лучше, чем чувствовать себя лошадьё на продажу. К лошади и то относятся с большим уважением.

Она подумала о том, что молодой мужчина не выглядит как человек, который рад состоявшейся сделке, и она не знала, что будет дальше, но на мгновение, на одно единственное мгновение у нее появилась надежда, что он ее отпустит, но она тут же поняла, что это невозможно, поэтому на ватных ногах подошла к господину после передачи денег из одних рук в другие, и сглотнула встрявший в горле ком.

- Нет, господин, - тихо ответила она, не поднимая глаз.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэну показалось, что девушка его боится. Но было бы странно этому удивляться. Он пока не понимал, что делать дальше. Сначала думал, что её стоит просто отпустить, но ей вряд ли было куда идти. Получалось, что выкупив её у торговца людьми, он должен был взять на себя ответственность за то, чтобы она оказалась в безопасности, и не попала сюда снова, скажем, уже завтрашним утром. Торговец сказал, что девушку привели из дома. Получалось, что её предала её собственная семья.

- Как тебя зовут? - спросил Сонгцэн, когда они отошли подальше от торговца, а затем и вышли из этого чудовищного проулка между палатками.

Никто не обращал на них внимания, только продавцы кричали вслед, расхваливая

свой нехитрый товар. А Сонгцэн напряженно думал о том, что делать дальше, запрещая себе рассуждать, не совершил ли он ошибку, ввязавшись во все это. Мать учила, что правильно так, как советует сердце. Сердце не разрешало пройти мимо, зная, что сейчас эту девушку продадут тому типу, и сделать вид, что все в порядке. Под навесами оставались и другие девушки, но Сонгцэн считал, что лучше помочь хоть кому-то, чем никому, и видел несправедливость в поступках тех, по чьей вине у торговцев оказался живой товар, а не в своем импульсивном порыве.

- Не бойся меня, - сказал Сонгцэн. - Я не собираюсь тебя обижать.

Яшви Садхир

У Яшви дрожали ноги, пока она шла следом за молодым господином, и она даже пару раз запуталась в длинной тяжелой юбке. Она пыталась гадать, что теперь с ней будет, раз ее купили, но мысли путались от волнения и страха. Наверное, он сделает ее служанкой, ведь такие люди в такой хорошей одежде не покупают себе жен на рынке, словно курицу к обеду.

Они вышли из проулка на широкую улицу, где был хотя бы легкий ветерок, в отличие от узкого и душного пространства между домами под навесами, которые были призваны спасать от палящего солнца, но совершенно не справлялись с этой задачей. Мимо шли люди, которым не было никакого дела до того, что творилось на этой узенькой улице, где торговали девушками, даже совсем еще девочками младше самой Яшви. Она не хотела знать, что бы было, если бы их не продали к концу дня. Она взглянула на своего хозяина.

- Яшви, господин, - сказала девушка. Она хотела добавить, что ее в деревне называют "бокши", но решила, что не стоит сразу вываливать такое человеку, от которого зависит ее дальнейшая судьба. Вряд ли это признание повысит ее шансы.

- Я теперь буду вашей женой, господин? - спросила она, и только после этого вопроса вспомнила, что хорошая жена или хорошая служанка должны молчать тогда, когда их не спрашивают, а ее сейчас не спрашивали. Но он сам сказал его не бояться, хотя Яшви ему и не поверила.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Было душно, и к этой духоте добавлялся запах специй, благовоний, пережаренного масла и толпы людей, скопившейся на тесном рынке. Окрестности Покхары заметно отличались от окрестностей Лхасы, хотя и там, и там был Тибет. Здесь было более шумно и более душно.

- Меня зовут Сонгцэн Садхир, - ответил принц Кобр, не став называть полное имя с родовой приставкой. Чем старше он становился, тем короче представлялся.

Вопрос девушки его смутил. Он слышал, что невольниц на таких рынках могли покупать в качестве жен. Иногда их вывозили даже в Китай, где в деревнях не хватало женщин, а жену в дом искали, чтобы продолжала род и вела хозяйство, в последнюю очередь думая о каких-то симпатиях с её стороны.

- Я ученик в своем клане и не имею права жениться, - сказал Сонгцэн. - Если тебе

некуда идти, ты проведешь некоторое время в моем клане, а потом я помогу тебе уехать в монастырь возле Лхасы, где ты сможешь остаться.

В Линь Ян Шо Яшви сможет жить столько, сколько захочет. Она вряд ли говорила на путунхуа и даже на английском, потому что в деревнях больше пользовались непали, но эта проблема была менее существенной, чем возможность быть проданной на невольничьем рынке. Какое-то время Сонгцэн мог помогать ей с переводом, он больше времени находился в монастыре, чем в родном клане. К тому же непали знали Юэ, Лун и его родители.

Яшви Садхир

Яшви мало что поняла из сказанного молодым господином, но все же поняла кое-что. Ее купили не для того, чтобы она становилась женой, и что она может оставаться в каком-то клане, а потом уехать в монастырь. Соседи иногда говорили о каких-то кланах, но Яшви никогда не слышала полного разговора, и не понимала, о чем ведут речь, да и о монастырях никогда не задумывалась.

Ей показалось, что если бы она попросила ее отпустить, ее бы сейчас отпустили, но куда она пойдет тогда? Велик был соблазн сказать, что ей есть куда идти, что она как-нибудь справится, поблагодарить за помощь, но, как бы Яшви этого ни хотелось, она понимала, что у нее просто нет другого выхода.

- Мне некуда идти, господин, - призналась Яшви. - Если я вернусь к родителям, утром меня привезут обратно или забьют камнями.

И сделают это соседи, которые уже давно шепчут ей в спину всякое. Яшви к этому уже привыкла, но терпеть это и дальше родители не станут. Подумают, что она сбежала и приволокла свой позор обратно в семью, тогда точно пощады не жди. Страшнее только, когда девушка возвращается домой беременная непонятно от кого.

Яшви никогда не слышала, что где-то в мире делали по-другому, что так было не принято. Она даже деревни родной никогда не покидала, и считала, что так везде, и что это совершенно нормально, когда родители, которые не могут прокормить большое количество ртов, продают дочь кому-нибудь, чтобы от нее избавиться. Хорошо бы, конечно, выдать, замуж, но если ее брать замуж не хотят, то все средства становятся хороши.
